Братья Гримм

Ленивый Гейнц

Был Гейнц лентяй, и хотя вся его работа состояла в том, чтоб гонять свою козу на пастбище, но все-таки, возвращаясь под вечер домой, он тяжело вздыхал после дневного труда.
— Это, по правде сказать, тяжелое бремя, — говорил он, — и утомительное занятие — из года в год до самой поздней осени гонять козу на поле. Если б по крайней мере можно было при этом полежать да поспать! Но где там! Надо поглядывать, чтоб коза не попортила молодых деревьев, чтоб не забралась через изгородь в сад или вовсе не убежала. Как тут можно быть спокойным и радоваться жизни?
Он уселся, собрался с мыслями и начал раздумывать, как бы ему освободиться от подобной обузы. Его размышления долго ни к чему не приводили, но вдруг он будто прозрел.
— Я знаю, что делать! — воскликнул он. — Женюсь-ка я на толстой Трине, — у той тоже есть коза, она сможет гонять на пастбище мою козу вместе со своей, и уж тогда не надо мне будет больше мучиться.
Вот Гейнц поднялся, потянулся, чтоб привести в движение свое утомленное тело, перешел наискосок дорогу — и идти-то дальше было не надо, тут ведь и жили родители толстой Трины, — и вот начал он свататься за их трудолюбивую и добродетельную дочку. Родители не стали раздумывать. «Ровня с ровней сходится», — подумали и согласились. Вот сделалась толстая Трина женой Гейнца и стала гонять на пастбище обеих коз. Наступили для Гейнца веселые дни, не надо было ему теперь отдыхать от какой бы то ни было работы, разве что только от своей собственной лени. Бывало, иной раз выходил он вместе с женой на поле и говорил: «Вот как пройдешься, только тогда и становится для меня покой еще слаще».
Но и толстая Трина была не менее его ленива.
— Милый Гейнц, — сказала она однажды, — зачем нам без всякой на то нужды делать жизнь себе горестной и портить себе лучшие молодые годы? Не лучше ли будет отдать нам наших коз, которые каждое утро своим блеяньем мешают нам спать, нашему соседу, а он даст нам за них улей с пчелами. Поставим мы улей на солнце за домом и не надо нам будет об улье заботиться. Пчел ведь пасти не надо, на поле их не гоняют: они вылетают и сами находят дорогу домой и мед собирают, при этом нам не надо будет ни о чем заботиться.
— Ты рассуждаешь, как умная хозяйка, — ответил Гейнц, — давай выполним твое предложение немедля; кроме того, мед вкусней да и питательней козьего молока и его можно дольше хранить.
Сосед дал охотно за двух коз пчелиный улей. Пчелы вылетали и влетали неустанно с раннего утра до позднего вечера и наполнили улей прекраснейшим медом, и вот осенью Гейнц мог собрать целый кувшин меду.
Они поставили этот кувшин на полку, что была прибита на стене в их спальне, а так как они опасались, что кувшин могут украсть или что в него заберутся мыши, то принесла Трина толстую ореховую палку и положила ее у кровати, чтоб не надо было понапрасну вставать, а можно было бы достать ее рукой и прогнать, в случае чего, непрошеных гостей, не подымаясь с кровати.
Ленивый Гейнц неохотно покидал постель раньше полудня: «Кто рано встает, — говорил он, — тот свое добро не бережет».
Однажды утром, когда уже совсем рассвело, он лежал еще на перине, отдыхая от долгого сна, и сказал своей жене:
— Женщины, они любят сладкое. Ты вот лакомишься медом, а было б куда лучше купить за него гуся с молодым гусеночком.
— Но уж никак не раньше, чем родится у нас ребенок, который их мог бы пасти, — ответила Трина. — Зачем мне мучиться с молодыми гусями и попусту тратить на это силы?
— А ты думаешь, что мальчик будет пасти гусей? В нынешнее время дети совсем не слушаются,

они делают что хотят, почитают себя умнее родителей, — вот так же, как тот работник, который должен был искать корову, а вместо того гонялся за тремя черными дроздами.
— О, — ответила Трина, — если мальчик не будет меня слушаться, я возьму палку и отчешу ему спину, и уж как следует, без счету. Смотри, Гейнц, — крикнула она и в увлечении схватила палку, которой она собиралась мышей гонять, — смотри, вот как я его отколочу!
Она замахнулась палкой, но, по несчастью, угодила прямо в кувшин с медом, что стоял над кроватью. Стукнулся кувшин об стену, и посыпались на пол черепки, и прекрасный мед разлился по полу.
— Ну вот, и лежит теперь гусь с молодым гусеночком, — сказал Гейнц, — незачем нам его и пасти. Но счастье еще, что не упал кувшин на голову, у нас есть все основанья быть своей судьбой довольными.
А так как он заметил в черепке еще немного меду, то достал его рукой и считал при этом себя совершенно довольным.
— Жена, давай-ка полакомимся с тобою остаточком, а потом, после пережитого нами испуга, маленько отдохнем. Ну, что с того, что мы встанем немного позже, чем всегда, день-то ведь какой длинный!
— Да, — ответила Трина, — мы-то уж всегда успеем. Знаешь, пригласили однажды на свадьбу улитку, собралась она в путь-дорогу, а попала как раз на крестины. Натолкнулась она перед домом на забор и сказала: «Спешить-то никак не годится».